

Научная статья

УДК 340.151

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).213-220

EDN ZQCRGU

Время Конфуция: эпоха формирования полисного государства в Древнем Китае

Анна Тимофеевна Тумурова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей статьи является конкретизация закономерностей, лежащих в основе формирования первых цивилизаций. Как предмет антропологии права рассматриваются процессы возникновения закона и полисного государства. Объектом исследования избран Китай в эпоху формирования земледельческой культуры, что соответствует примерно так называемой эпохе «Чжоуского царства» (1045–256 годы до н.э.), вторую половину которой чаще называют временем Конфуция.

Культурные посевы зерновых в лессовых и низинных плато долины величайших рек Китая стали итогом упорной борьбы с природными силами. Возможность отвоевания у природы полей для посевов рождается в результате объединения сил и координации совместных усилий многих людей. Однако особо следует обратить внимание на необходимость решения задачи организации защиты полученного урожая от посягательств извне. Воинственные защитники нарождающейся цивилизации обладают характерными чертами, свидетельствующими о том, что они в своей основе скотоводы, начальные формы социальной общности которых формировались далеко на севере, в лесостепной зоне Южной Сибири. Их миграция с севера на юг объясняется необходимостью выпаса большого стада домашних животных.

В условиях речной долины центра китайского плато они неизбежно встречаются с общностями первых земледельцев. И те, и другие заинтересованы в получении урожая зерновых, обеспечивающих их важнейшие жизненные потребности. В силу этого рождается нарратив о союзе тех, кто «почитает предков и воинов» для совместной борьбы с варварами, а вместе с ней первая базовая самоидентифицирующая характеристика – общая причастность к особой культуре «вэнь». Великий китайский философ Конфуций (551–479), разработавший новую этику «вэнь», стал символом китайской цивилизации, его учение придало особую красоту и гармонию национальным традициям народа, став источником его силы и сплоченности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неолитическая революция, скотоводство, земледелие, полисное государство, китайская цивилизация, обычаи, обычное право, ритуал, традиция, закон, этика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тумурова А.Т. Время Конфуция: эпоха формирования полисного государства в Древнем Китае / А.Т. Тумурова. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).213-220. EDN ZQCRGU // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 213–220.

Original article

The time of Confucius: the era of the formation of a polis state in Ancient China

Anna T. Tumurova

Baikal State University, Irkutsk, Russia
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

ABSTRACT

The purpose of the article is to specify the patterns underlying the formation of the first civilizations. The processes of the emergence of the law and the polis state are considered as the subject of the anthropology of law. China was chosen as the object of research during the era of the formation of agricultural culture, which corresponds approximately to the so-called era of the “Zhou Kingdom” (1045-256 BC), the second half of which is more often referred to as the time of Confucius.

The cultural crops of grain in the loess and lowland plateaus of the valley of China’s greatest rivers were the result of a stubborn struggle against natural forces. The opportunity to reclaim fields from nature for crops is born as a result

© Тумурова А.Т., 2026

of joining forces and coordinating the joint efforts of many people. However, special attention should be paid to the need to solve the problem of organizing the protection of the obtained crop from outside encroachments. The militant defenders of the nascent civilization have characteristic features indicating that they are basically pastoralists, whose initial forms of social community were formed far to the north, in the forest-steppe zone of Southern Siberia. Their migration from north to south is explained by the need to graze a large herd of domestic animals. In the conditions of the river valley in the center of the Chinese plateau, they inevitably meet with the communities of the first farmers. Both of them are interested in obtaining a grain harvest that provides their most important vital needs. Because of this, a narrative is born about the union of those who «honor their ancestors and warriors» to fight the barbarians together, and with it, the first basic self – identifying characteristic is common involvement in a special culture of “wen”. The great Chinese philosopher Confucius (551–479), who developed the new ethics of “wen”, became a symbol of Chinese civilization, his teachings gave special beauty and harmony to the national traditions of the people, becoming a source of their strength and cohesion.

KEYWORDS

Neolithic revolution, cattle breeding, agriculture, polis state, Chinese civilization, customs, customary law, ritual, tradition, law, ethics

FOR CITATION

Tumurova A.T. The time of Confucius: the era of the formation of a polis state in Ancient China. *Akademicheskij yuridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):213–220. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).213-220. EDN: ZQCRGU.

Введение

Арсенал современной науки антропологии права позволяет достаточно детально реконструировать процессы начальных стадий формирования социо-нормативной культуры постродового общества. Для понимания сложностей этого процесса есть необходимость объяснения не менее трех ключевых моментов. Назовем их с некоторыми пояснениями, касающимися основных противоречий в научных подходах.

Первый из этих моментов заключается в необходимости исходить из первоначального отсутствия синкретики социальных норм. Все социальные нормы строго подчинены требованиям в их социальном или функциональном назначении. Следующие за социальной трансформацией изменения сферы действия социальных регуляторов приводят к тем самым бифуркационным процессам, которые разрушают социально-экономический строй, и одновременно тормозят процессы упорядочения новых отношений. Преодоление разрушительных процессов **не** может осуществляться эволюционно, т.е. путем постепенной замены старых норм на новые. История вызывает к рациональному осмыслению проблемы и поиску путей идеологического преодоления социальных противоречий. Повсеместно зарождающиеся цивилизации возвышают философов и мыслителей и способствуют появлению закона, как юридического способа рационального внесения изменений в систему социо-нормативного регулирования.

Второй момент – современные знания о неолитической революции, как о процессе перехода от присваивающего хозяйства к производящему, содержат противоречие, заключающееся в том,

чтобы видеть обе формы этого перехода (от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию) как единый процесс. Поскольку условия перехода для каждой из этих двух первоначальных форм различны, то следует их рассматривать как отдельно взятые процессы, со своими собственными закономерностями. В дальнейшем эти две формы производства формируют субъектов товарного обмена, интересы которых выступают движущей силой, направленной на создание территориальных форм социального единства.

И, наконец, **третий** момент заключается в понимании разложения родового строя как сложного процесса разрушения первоначального принципа коммунистического распределения общего продукта и перехода от одних принципов распределения общего продукта к более сложным. Итогом неолитической революции выступает создание единого территориального объединения скотоводов и земледельцев – полисного государства.

Антропология права констатирует, что в первобытном обществе существуют две разновидности социальных норм – **обычай**, которые регулируют внутриобщинное взаимодействие на принципах половозрастной иерархии и распределения общего продукта по коммунистическому принципу «от каждого по способностям и каждому по потребностям»; внешние отношения членов родовой общины подчиняются принципам, построенным на эквивалентности (предправо). Сказанное означает, что культурным багажом человечества в эпоху формирования первых цивилизаций, кроме языка, выступают представления о кровном родстве как важнейшей основе социального единства, о браке как основе эквивалентных и договорных отношений.

Прежде чем приступить к изложению сути трансформации социо-нормативных регуляторов в период разложения родовых отношений и возникновения первых государств необходимо обратиться к современным научным представлениям о наиболее ранних этапах освоения земледелия и становления земледельческой культуры.

События, лежащие в основе формирования цивилизационных основ, сокрыты покровом времени. Их характер может быть воссоздан теоретически, базируясь на общих закономерностях социального развития в эпоху первобытности. Ход социальной эволюции в общих чертах может быть реконструирован на основе толкования социальных норм, отраженных в наиболее ранних памятниках письменной культуры Китая.

Важнейшими из первоисточников являются: первая сводная история Китая — «Исторические записки» Сыма Цяня (II—I века до н.э.), собрание песенной архаики — «Книга песен» («Ши цзин»), комментарий к первой китайской летописи — «Весны и осени» («Цзо чжу-ань»), обширный свод обрядовых предписаний — «Записки о ритуалах» («Ли цзи») и др.

Анализируемый нами период точнее всего будет назвать доисторическим, поскольку он заканчивается ко времени возникновения летописания в VIII веке до н.э., но фактически захватывает всю эпоху правления династии Чжоу (XI—III века до н.э.), когда, как пишет И.И. Семенов, «...действительно сложился по крайней мере социальный и духовный костяк китайской цивилизации, и главное в нем — культурность («вэнь»)» [1, с. 450].

Обращение в поисках эмпирического материала к текстам французского сиолога Марселя Гране объясняется двумя основными причинами. «Гране был и остается одним из самых выдающихся знатоков древнекитайских первоисточников во всей истории западной сиологии». Следует также согласиться с тем, что «никто, кроме М. Гране, не смог в эмоциональной и психологической полноте интерпретировать тексты наиболее древних песенных, обрядовых, культовых нарративов, отражающих бытовавшие нравы и правила» [1, с. 450].

1. Земледельческая цивилизация и культурность «вэнь»

Понятие «культура» (*вэнь*) в китайской традиции в целом противоположно природному, естественному, оно видится как нечто, созданное человеком, и как начало, упорядочивающее общество, как процесс человеческой деятельно-

сти, преобразования, изменения общества. Этимологически слово *вэнь* (文) обозначало священную татуировку шаманов и жрецов архаической эпохи [2]. Позже произошел переход к значению «письменный знак», «письменность» и, наконец, «письменная культура».

Традиционную этимологию 文 также связывают с изображением переплетающихся нитей, с тканью. «Производство тканей и одежды из них — один из основополагающих признаков, отличающих культуру от дикости. В Китае оно традиционно таковым и считалось наряду с земледелием. Эти две культуросозидательные формы деятельности соотносились с самым фундаментальным делением человечества сообщества — на женщин и мужчин. Первым полагалось ткать, вторым — обрабатывать землю (например, глава «Као гун цзи» («Записки об исследовании труда») канона «Чжоу ли»). Поэтому в семантике «вэнь» сохранилось «женское» значение («мягкость, нежность, изящность») и противопоставленность мужской воинственности, закрепленной за парным термином «у» [3].

В конфуцианстве культурность является одним из важнейших качеств Благородного мужа, наряду с гуманностью и сыновней почтительностью. Напомним, что культурность понимается как упорядочивающее начало *вэнь* — письменная культура, текстовая деятельность — это то, что изучают, и то, чем человек обогащает свой внутренний мир. В китайском каноне «Ли цзи» сказано: «Пять цветов образуют узоры (культуру. — примечание авторов) без хаоса» (五色成文而不乱), это означает, что культурная деятельность противопоставит хаосу, т.е. всегда должен соблюдаться принцип «упорядоченности» [4].

Что можно сказать о форме хозяйствования в Древнем Китае? Речь идет о самом раннем Китае, точнее — Среднем государстве (*Чжун го*). «С первых дней своей известной нам истории китайцы предстают народом земледельцев», пишет Марсель Гране [5, с. 148]. В его исследованиях китайской древности страна предстает «узенькой полоской земли, новой, только что появившейся страной, с совершенно неосвоенными землями. Сгрудившиеся мелкими общинами люди живут изолированно» [5, с. 149]. Неслучайно образ реки Хуанхэ в китайской живописи с древности был центральным элементом китайского миропонимания [6]. Главное в характеристике образа жизни этих людей заключается в том, что они осваивают земледелие, живут плодами обработки земли — культурных насаждений и посевов зерновых. То есть соб-

ственно китайцами называют исключительно живущих земледелием людей, в отличие от иных населяющих страну варваров.

Обустройство края, тяжкое отвоевывание земли у мощной, противящейся природы требовали от китайцев постоянных усилий, упорядоченного упорства, а этого можно было добиться только при существовании достаточно обширных, тесно сплоченных и прочно осевших на земле сообществ [5, с. 120].

«На самом же деле китайская земля раскрывала свое плодородие лишь район за районом, после героических трудов. ...Прежде чем обосноваться, людям «приходилось объединяться... Обрядность свидетельствует, что землепашцы по приказу властителя обязаны были объединяться попарно. В начале года тот, как говорят, председательствовал при организации работ, приказывал «поправить межи и границы полей, обозначить горы, холмы и возвышенности, равнины и низины, решить, какие культуры лучше подходили к той или иной почве и в каком месте следовало сеять пять злаков... Когда заранее намечены работы на полях, когда сначала с веревкой выверили каналы и межи, ничто больше не сможет смутить землепашцев». Посредством людского труда, пишет М. Гране, китайцы добиваются со своей земли высоких урожаев. ... Их главное орудие труда — мотыга, а не плуг. В равной степени династические гимны приписывали героям-основателям эту упорядоченность страны [5, с. 119–120]. Обратной стороной достигнутых успехов является жестокая необходимость защищать землю и урожаи от тех, кто не трудился вместе с ними, вместе с земледелием рождается и постоянная необходимость защищать свои пределы.

Рассмотрим названные две социальные функции: возделывать землю и защищать территорию от посягательств. Обе формы социальной активности требуют особых навыков и умений, которые нуждаются в предварительной специальной подготовке, и каждая из них требует значительных материальных затрат. Описание крестьянского труда, строго подчиненного ритму сезонных перемен в природе, красноречиво свидетельствует о погруженности земледельца в заботы и нужды своего основного занятия. Подрастающие дети с раннего детства вовлечены в хозяйственные заботы и необходимый опыт получают непосредственно в поле и дома в кругу ближайших родственников.

Гораздо труднее объяснить происхождение навыков боевых действий, необходимых для за-

щиты территории. Документы свидетельствуют о том, что многочисленных своих врагов, как пишет М. Гране, китайцы встречали на боевых колесницах. При этом военный министр «устанавливает количество колесниц и лошадей, а также численность поднимающихся на колесницы воинов, сопровождающих пехотинцев, количество кирас и щитов» [5, с. 211]. Следовательно, защищая свою землю от нападений, китайцы выпасали на особых пастбищах табуны лошадей, изготавливали колесницы, впрягали обученных коней, изготавливали кирасы, щиты, копья, луки и другое оружие. Все это требует колоссальных знаний, специального обучения, многолетней подготовки большого количества людей. Более того, все это требует специфического образа жизни. Материальные затраты на содержание, по сути, армии огромны. И только часть из специфических потребностей армии могла быть удовлетворена исключительно за счет развития земледельческих культур.

Обратим внимание на то, что важно для нашего исследования: люди, приручившие разнообразных животных, освоившие их гужевые, ездочные, тягловые и другие качества, происходили из мест, находившихся далеко от земледельческих районов Китая. Тем не менее самые ранние из известных нам документов видят земледельца и воина как представителей одного народа, живущих возделыванием земли и защищающих свою территорию от посягательств варваров. Их единство основано на защите земли, на которой они трудятся для получения плодов ее обработки, как источника жизни. Они защищают территорию от иных, живущих другой формой хозяйствования. Самое первое свое отличие от иных людей они видели именно в этом специфическом образе жизни и определяли его как 文 (*вэнь*).

В связи со сказанным уместно привести слова польского социолога Я. Щепаньского о культуре. Он выделяет, «во-первых, определение, связанное с происхождением этого понятия, означающего по латыни возделывание земли; во-вторых, определение, говорящее об улучшении и облагораживании человеческих обычаев и поведения; в-третьих, определение, при котором под культурой понимается все то, что не растет само по себе, а появляется благодаря труду человека, что создано его целенаправленным размышлением и деятельностью; и, наконец, толкование культуры, включающее в это понятие не все создания человека, а только «высшие» — науку, искусство, литературу, религию» [7].

2. Миграция как итог неолитической революции

Скотоводство осваивалось в иных условиях. Его освоению предшествовало развитие наиболее сложной формы коллективной охоты — облавной, требующей специфических природно-климатических условий, связанных с протяженными во времени низкими температурами. Охотники, жившие сплоченными родовыми общинами, с освоением облавной охоты нарушили вековые традиции уединенности родовой общины, открыли форму взаимодействия с другими общинами, положив начало экономическому сотрудничеству. Это не только создавало ряд новых важных социальных институтов. А также привело в конечном итоге к формированию экономического единства. Условием их экономического единства стало формирование «страхового фонда», которое впоследствии переросло в институт казны. Потребность постоянного пополнения казны породила постоянно действующий надродовой властный центр, который был занят организацией коллективной охоты и распределением добычи на доли эквивалентно участию родовой общины в общем деле, т.е. на правовых началах. В дальнейшем прирученные животные оказались идеальным объектом для пополнения казны.

Данный экскурс необходим в целях разъяснения двух моментов, которые находим в труде французского антрополога. Первый момент связан с тем, что системы «*чжу*» и «*че*» в организации и распределении общего продукта предусматривали отчисления в казну. В то время как другой раздел его труда демонстрирует отсутствие у земледельцев, т.е. у крестьян, китайских деревень, самой культуры строительства амбаров и других мест хранения урожая. Попытки государственных властей привить эту культуру наткнулись на активное противодействие населения, привыкшего жить без каких-либо запасов [5, с. 138–140].

Данные противоречия можно объяснить тем, что для собирателей и ранних земледельцев, изначально проживавших в условиях жаркого, влажного климата, понятие запасов противоречило логике выживания. С другой стороны, существование на ранних этапах китайской цивилизации понятия казны видится институтом, привнесенным в процессе освоения земледелия северной культурой, с естественной для жителей суровой климатической зоны идеей создания запасов на зиму, сохранения добычи на случай неудачи в охоте.

Каким образом две культуры встречаются на землях лессовых плато Китая? Это можно объяснить исключительно как результат миграции

скотоводов с севера на юг в поисках пастбищ для стада. Поскольку скотоводы были заинтересованы именно в речных долинах, то их раннее появление в долине Хуанхэ и Янцзы видится результатом миграции, которую следует рассматривать как итог неолитической революции.

3. Город

Марсель Гране неоднократно отмечал изначально существующую в древних китайских артефактах сложность структуры китайского общества, которую он видел прежде всего в том, что в Китае существовали города и деревни. Вот что он пишет об этом явлении: «...Документы постоянно обнаруживают противостоящий Китаю деревень Китай городов. Горожане противопоставляют крестьянам самым очевидным образом: одни — это деревенщина, вторые — знать. Одни хвастают тем, что живут «в соответствии с обрядами», которые «не опускаются до людей из народа». Сельчане со своей стороны отказываются вмешиваться в общественные дела. Они говорят: «Обсуждать их — дело тех, кто ест мясо». У тех и у других разные заботы, разная пища. Они различаются до такой степени, что предпочитают даже противоположные системы ориентации: знать предпочитает левую сторону, а крестьяне — правую» [5, с. 184–185].

Что можно сказать о создателях первых китайских городов? Вряд ли можно согласиться с французским синологом в том, что «в силу трудных условий освоения земель деревенская жизнь изначально приобрела некоторые черты городского быта» [5, с. 121]. С позиций антропологии права логичней видеть первые города поселениями скотоводов, выбирающих в речных долинах возвышенности, на которых строили укрепления. «В тот период наиболее заметной особенностью культурного ландшафта в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы (Чанцзян), вероятно, следует считать возвышающиеся над землей кольца городских стен, представлявших собой ограждение стенами из утрамбованной земли», — пишет китайский исследователь Сюй Хун, описывая панораму среднекитайской равнины в 2000 году до н.э. [8, с. 32]. Стены нужны были скотоводам для сохранности их основного, пока еще общеплеменного, богатства — стада. Они поселялись внутри укрепления вместе со стадами домашних животных.

Скотоводы свой длинный путь к в поисках земель для выпаса проделали организованным единством во главе с вождем. Их внутренняя структура подразделялась на два крыла — левое

и правое, возглавляемые старейшинами двух родовых общин. Каждая из общин подразделялась на десятки и сотни, подчиненные через своих старшин племенному вождю. Такая структура была выкована вековыми традициями облавной охоты [9].

В те давние времена опыт воинственных охотников в domestikации животных, прежде всего лошадей, быстро изменил их основное занятие. Они оценили значение domestikатов в формировании запасов, при этом освоили во всем многообразии хозяйственные предназначения прирученных животных. Новые условия жизни, привнесенные domestikацией, укрепили и развили социальную структуру, изначально предназначенную для большой охоты. Речь идет об институализации власти предводителя охоты и распорядителя «страхового фонда», превратившегося в казну.

Казна пополнялась domestikатами до тех пор, пока в связи с разросшимся казенным стадом не встал вопрос о миграции коллективного хозяина в южном направлении в поисках речных долин для круглогодичного выпаса.

Наиболее ранние миграции скотоводов осуществлялись благодаря социальному единству, которое представляло собой более тесное, чем в последующие миграционные волны, сплочение вокруг вождя двух родовых общин. Организационное единство поддерживалось тем, что главным источником их жизнеобеспечения являлось казенное стадо, поскольку институт частного или семейного стада находился только в стадии формирования. Потому их действия так или иначе были связаны с уходом, выпасом, охраной, защитой их «страхового фонда», и власть вождя как единственного распорядителя и хранителя материального благополучия получила абсолютный характер. Сакрализация власти представлялась эффективным средством удержания единства разрастающегося коллектива. Вот почему город как поселение скотоводов начинается со строительства внутри огороженного пространства храма для поклонения духам предков.

Образ жизни, к которому они пришли, требовал активных действий, направленных на преобразование пространства вокруг поселения. Поскольку многочисленные заболоченные участки, обширные кустарниковые заросли, продолжительные паводковые сезоны не способствовали нормальному выпасу стада. В связи с чем скотоводы, как никогда ранее, остро нуждались в запахах фуража. Общие интересы в развитии земледелия создали альянс скотоводов и земледельцев,

принявший форму территориального единства. Они в одинаковой степени были заинтересованы в расширении полей для посевов. Их общими усилиями проводились сложные поэтапные ирригационные мероприятия, которые позволяли отвоевать землю под посевы. Как только был получен первый урожай, возникла не менее важная задача — защитить владения.

Отметим, что М. Гране часто упоминает колесницы, как общеизвестный элемент культуры Китая, начиная с эпохи бронзы. В его работе не говорится, каким образом кроткие земледельцы, собирающие свой урожай в больших трудах на крошечных земельных участках, смогли одомашнить лошадь, освоить ее гужевые, ездовые качества, и, наконец, впрячь в колесницу. Однако если принимать в качестве данности участие в формировании культуры Китая как цивилизации, общества, живущего разделением труда, скотоводов суровой Сибири, явившихся со своими стадами в поисках пастбищных земель, многие противоречия становятся более понятными, и логика развития дополняется смыслами, которые могут быть прояснены в рамках закономерностей развития такого сложносоставного социума.

Первым территориальным образованием выступает полисное хозяйство, как единство города и окружающих его деревень. С. Каидзука, например, предлагает рассматривать данный период «как одну из форм универсальной полисной структуры Древнего мира» [10, с. 20]. Вот что он пишет о княжестве Лу, в котором родился и жил Конфуций: «Следует обратить внимание также на то, что новая территориальная общность Лу, сплоченная вокруг культа духов земли и злаков, не была государством в современном понимании этого слова. У княжества Лу не было четких территориальных границ, не было там и большого количества городских центров и деревень. Фактически Лу представляло собой не что иное, как город-государство, — то есть, как видно из самого слова, город, окруженный небольшой стеной, которая огораживала пространство площадью около одного ли, или трех миль. Во времена Чжоу слово «княжество» первоначально означало именно это — территорию внутри крепостных стен метрополии» [10].

Древнекитайский город-государство следует считать объединением кланов для религиозных и оборонительных целей. Политики городов-государств эпохи Весен и Осеней говорили, что «важные государственные дела касаются служения духам и обороны», осознавая двойственность целей общности [10].

«Администрация города зависит от армейской организации. Город тяготеет к повторению лагерного порядка, который, в свою очередь, смешивается с обустройством полей... Подобные города-убежища были окружены двойными стенами. Ведь эти земледельческие и военные лагеря воздвигались для того, чтобы служить постоянным местом жительства для воинов и в случае необходимости укрытием для всех окрестных земледельцев» [5, с. 197]. Особенно красноречивое свидетельство можно найти у М. Гране в описании внутреннего наполнения города-полиса: «княжеские и личные склады, архивные помещения, арсеналы, конюшни, храмы, гаремы теснились в полном беспорядке...» [Там же].

Выводы

Таким образом, из вышеизложенного следует сделать следующие выводы.

Первые цивилизации зарождаются в речных долинах, где формируются паводковыми наносами легкие для обработки илистые почвы. Китайская цивилизация берет свое начало в долинах Хуанхэ и Янцзы, уникальном географическом регионе, с устойчивым теплым и влажным климатом, способствующим освоению земель.

В развитии земледелия одинаково заинтересованы как земледельцы, так и скотоводы. Их объединенные усилия по мелиорации почв, про-

кладке каналов, дамб от наводнений, вспашке склонов холмов и террас, посеву проса и риса и многого другого базируются на трех основных элементах: 1) наличие вождя и сплоченной воинской дисциплины группы его сподвижников, организаторов совместных действий; 2) наличие стратегических запасов — казны в виде большого стада домашних животных, используемых для поддержания массовых работ; 3) наличие земледельческого опыта у крестьян, живущих тесно сплоченными оседлыми группами, хорошо знакомыми с природно-климатическими условиями местности.

Культурные насаждения принесли постоянный урожай, который стал источником не только питания для крестьян, занятых обработкой земельных наделов, но и пополнения казны провиантом для содержания армии и служащих, фуражом, который использовали скотоводы для сохранения общего стада.

Общие завоевания нуждались в защите, которая могла быть осуществлена только постоянно действующей, хорошо оснащенной армией.

Следовательно, в результате формирования территориальной общности людей, живущих одним делом, — земледелием и его результатами, было создано государство-полис с двуединой функцией — «почитания духов земли, предков и обороны».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семененко И.И. Китайская пайдейя / И.И. Семененко // Китайская цивилизация / М. Гране. — Москва : Алгоритм, 2008. — 387—410.
2. Торчинов Е.А. Иероглиф Вэнь: священная татуировка шаманов / Е.А. Торчинов // Живой журнал. Отрывок из труда Е.А. Торчинова «Пути философии востока и запада: познание запредельного». — URL: <http://zhuxiyulu.livejournal.com/220003.html>.
3. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. — Москва : Вост. лит., 2006. — Т. 1. — 727 р. Сю Сяосюэ. Гуманистический дух китаеведения / Сю Сяосюэ // Нанкинский университет. — URL: <https://www.nju.edu.cn/info/1056/434641.htm>.
4. Гране М. Китайская цивилизация / М. Гране. — Москва : Алгоритм, 2008. — 416 с.
5. Хуан Ю. Образ реки Хуанхэ в китайской живописи / Ю. Хуан, Г.В. Алексеева. — DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(4)/546-552. — EDN LPCREO // Известия Байкальского государственного университета. — 2021. — Т. 31, № 4. — С. 546—552.
6. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. — Москва : Прогресс, 1969. — 237 с.
7. Сюй Хун. Откуда пошел Китай? Панорама среднекитайской равнины в 2000 г. до н.э. / Хун Сюй; ред. Е.Е. Миняйло, А.И. Кобзев. — Москва : Шанс, 2026. — 328 с.
8. Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят / А.Т. Тумурова. — Улан-Удэ, Изд-во Бурятского госуниверситета. — 2005. — 221 с.
9. Каидзука С. Конфуций. Первый учитель Поднебесной / С. Кандзука. — Москва : Центрполиграф, 2004. — 268 с.

REFERENCES

1. Semenenko I.I. Chinese Paideia. In Grane M. *Chinese civilization*. Moscow, Algoritm Publ., 2008, pp. 387—410.
2. Torchinov E.A. Wen hieroglyph: sacred tattoo of shamans. *Zhivoi zhurnal. Otryvok iz truda E.A. Torchinova «Puti filosofii vostoka i zapada: poznanie zapredel'nogo»*. Available at: <http://zhuxiyulu.livejournal.com/220003.html>.

3. Titarenko M.L., Kobzev A.I., Luk'yanov A.E. (eds.). *Spiritual Culture of China*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. Vol. 1. 727 p.

4. Xiu Xiaoxue. The humanistic spirit of Chinese studies. *Nanjing University*. Available at: <https://www.nju.edu.cn/info/1056/434641.htm>.

5. Grane M. *La Civilisation Chinoise: la vie Publique et la vie Privée*. Paris, Renaissance du livre, 1929. 524 p. (Russ. ed.: Grane M. *Chinese Civilization*. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 416 p.).

6. Khuan Yu., Alekseeva G.V. The Image of the Yellow (Huang He) River in Chinese Painting. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 546–552. (In Russian). EDN: LPCREO. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(4).546-552.

7. Shchepan'skii Ya. *Basic concepts of sociology*. Moscow, Progress Publ., 1969. 237 p.

8. Syui Khun; Minyailo E.E., Kobzev A.I. (eds.). *Where did China come from? Panorama of the Central Chinese plain in 2000 BC*. Moscow, Shans Publ., 2026. 328 p.

9. Tumurova A.T. *Genesis of the Commonlaw of the Buryats*. Ulan-Udeh, Buryat State University Publ., 2005. 221 p.

10. Kaidzuka S. *Confucius*. London, 1956. 192 p. (Russ. ed.: Kaidzuka S. *Confucius: The First Teacher of the Celestial Empire*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 268 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Тимофеевна Тумурова — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. SPIN-код: 9481-3652.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna T. Tumurova — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legal Research. Baikal State University. 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia. SPIN-code: 9481-3652.

Поступила в редакцию / Received 26.03.2026

Доработана после рецензирования / Revised 03.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026